

А.С. ХОМЯКОВ О ЗАДАЧАХ «РУССКОЙ ШКОЛЫ» В ЛИТЕРАТУРЕ

А.С. Хомяков в среде славянофилов считался авторитетом, мнением которого дорожили и к словам которого особенно прислушивались. Но он был не только идеологом их общественно-политического учения. Человек разносторонне одаренный и образованный, Хомяков явился одним из создателей славянофильской эстетики. Ее основные принципы он излагал в устных докладах, статьях, письмах к друзьям. Определяя задачи «русской школы» в литературе, Хомяков выступал за народность искусства, ориентируя его на национальные духовные ценности. И сегодня, когда вновь остро встал вопрос о сохранении самобытных основ нашей культуры, его эстетические и литературно-критические суждения приобретают особую актуальность.

В утверждении «народности содержания» литературы Хомяков не был оригинальным. Сама идея народности прочно укоренилась в сознании лучших представителей образованной части русского общества в первые десятилетия XIX в. Идеи народности Г.И. Гердера и философия истории Ф.В. Шеллинга, согласно которым каждый народ должен развивать те начала своей жизни, которые сообщают ему особый характер, отличия от других народов, национальность, служили теоретической основой в борьбе за самобытность литературы как в «стане» славянофилов, так и в «стане» западников. Однако эти общие положения они наполняли различным идеологическим и эстетическим смыслом.

Хомяков понимал народность искусства как отражение в художественном произведении глубинных основ народной жизни и национальных идеалов. В статье «Мнение иностранцев о России» (1845) он подчеркивал: «Принадлежать народу – значит с полною и разумною волею сознавать нравственный и духовный закон, проявляющийся <...>

в его историческом развитии. Неуважение к этому закону унижает неизбежно народ в глазах других народов» [1, с. 88]. Хомяков, таким образом, придавал понятию народности прежде всего этический смысл, а «народное содержание» он ассоциировал с отражением в литературе духовных и нравственных ценностей, которые для «истинно русского» человека определяются «верой отцов». Другими словами, православной религией русских Хомяков обуславливал самобытность их национальной культуры, выражающейся в истории, государственном устройстве, в семейных отношениях, обрядах. Однако эти ценности, считал он, «мало значат в мнении чистых приверженцев Запада» [1, с. 144]. Отсюда исходит их недооценка тех произведений, которые выразили народные представления о добре и зле. В статье «Мнение русских об иностранцах» Хомяков назвал «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина подлинно народным произведением, поскольку в оценках событий, которые дает «последний летописец», «видна Россия». «<...> В нем самом, в живом и красноречивом рассказчике <...> пламенно бьется русское сердце, кипит русская кровь и чувство русской духовной силы, и силы вещественной, которое в народах есть следствие силы духовной» [1, с. 112]. Защищая Карамзина от нападков западников, автор статьи оспаривает попытки М.П. Погодина «реабилитировать» Бориса Годунова, показанного историком убийцей законного наследника русского престола малолетнего царевича Димитрия. Полемизирует Хомяков и с В.Г. Белинским, который в статье 10 из цикла «Сочинения Александра Пушкина» упрекал поэта за то, что «он не сумел избежать тех огромных недостатков и в историческом, и в эстетическом плане, которыми наполнена его драма». Причину этих «недостатков» критик усматривал в том, что «Пушкин рабски во всем последовал Карамзину, – и из его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годунов его вышел мелодраматическим злодеем, которого мучит совесть и который в своем злодействе нашел себе кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя из нее сделать» [2, т. 6, с. 430].

Критик «Отечественных записок», подчеркивает Хомяков, не учел, что и историк, и поэт, изображая Годунова, отразили «мнение народное». «Отношение народа к царю Борису происходило от чисто нравственных начал, понятных только в нашей истории и совершенно чуждых западному миру», – заключает он [1, с. 123]. Следует, однако, отметить, что, относясь с огромным уважением к Пушкину, Хомяков в то же время считал, что поэт недостаточно проник в глубинные основы народной жизни и не смог поэтому выразить «православное мировоззрение». В «последних его творениях» идеолог славянофильства усматривал

«чувство оторванности» от национальной почвы и в то же время «неясную надежду на ту великую Русь, от которой он чувствовал себя оторванным» [1, с. 146]. Следует, однако, отметить, что не все славянофилы разделяли мнение о Пушкине, высказанное Хомяковым. Его друг и единомышленник И.В. Киреевский, например, считал Пушкина первым подлинно народным поэтом-философом, выразившим «наши умственные и религиозные устремления» [3, с. 93]. По сути, и Хомяков, и Белинский рассуждали о Пушкине исходя из своих этических и эстетических позиций: Хомяков – славянофильских, Белинский – демократических. Отсюда и недооценка обоими критиками народности творчества поэта, которое не укладывалось в их идеологические установки.

Создателем самобытных, оригинальных и в то же время глубоко народных произведений Хомяков считал Н.В. Гоголя. «В наш век явился художник гениальный, который и чувства, и мысль, и форму берет только из глубины своей души, из сокровища современной жизни; и в его творении все дышит, все движется так живо, так самобытно, как в самой природе», – писал он в статье «Письмо в Петербург о выставке» (1843) [1, с. 65]. Как и Белинский, он признавал Гоголя главой нового направления в литературе. Белинский называл это направление «отрицательным», Хомяков – «обличительным».

И Белинский, и Хомяков аттестовали Гоголя писателем народным и, следовательно, «поэтом в духе времени». Но автор статьи «Похождения Чичикова или Мертвые души» усматривал правдивость и народность творчества Гоголя, т. е. «истину жизни и народный взгляд на вещи» в «социальном, общественном, историческом» содержании его произведений [2, т. 5, с. 49].

Как и западники, славянофилы ставили вопрос о гражданском служении литературы: «Общественный интерес – вот что должно быть задачей литературных произведений!» – восклицал К.С. Аксаков. «Обличение есть священный долг для литературы», – добавлял Хомяков [1, с. 305]. Обличение, но не мелочное критиканство, ставшее столь характерным для «подражателей Гоголя». «Пусть писатели поймут <...> что обличительный намек есть низость, потому что он не допускает оправданий, и что словесный меч правды не должен быть никогда обращен в кинжал клеветы», – предупреждал он [1, с. 307]. Еще в 1846 г., в статье «Мнение русских об иностранцах» Хомяков указал на то, что отличало творчество писателя от его последователей из «натуральной школы». Он подчеркивал, что Гоголь обличал не только общественные, но и нравственные пороки и изображал не социальные, а национальные типы. В данном случае нельзя не согласиться с Хомяковым, отметившим

односторонность оценок Белинского персонажей поэмы Гоголя «Мертвые души». Но едва ли можно признать справедливость утверждения, что предметом обличения у Гоголя «было особенное отношение особенных лиц к народной жизни и просвещенному обществу». Хомяков приписывал Гоголю свои славянофильские идеалы, исходя из которых автор «Мертвых душ» якобы оценивал изображаемое. Однако он выразил важную мысль, что установка литературы только на «отрицание» приводит к утрате «поэзии». Ибо «поэзия», по убеждению критика, невозможна без чувства художником «положительных начал», основы которых заложены в народной этике. Позже эту мысль разовьет Ф.М. Достоевский в 1869 г., заметивший в одном из писем И.А. Гончарову, что «нельзя оставлять читателя при одной только грязи текущего» [4, т. 28, с. 281].

Отрицая «натуральную школу» как результат западного влияния, Хомяков считал необходимым создать в литературе «русскую школу». Но задача представлялась ему невыполнимой до тех пор, пока «жизненное начало утрачено нами из-за привитого ложного полужнания» [1, с. 150]. В статье «О возможности русской художественной школы». (1847) он поставил вопрос о создании теоретической базы русского искусства. Много раз и по разным поводам Хомяков возвращался к оценкам немецкой философии и приходил к выводу, что «рассудочность», «рационализм» завели ее в тупик. У русского искусства «<...> есть возможность более полной и глубокой философии, корни которой лежат в познании полной и чистой веры – православия» [1, с. 112]. Ибо только «отеческая философия», созданная на основе «умственных сокровищ своей страны», способна осмыслить идейные и «отеческие устремления нации», отражение которых и есть важнейшая задача литературы, – заключал автор статьи.

Утверждение в русской эстетической мысли 1840-х гг. принципа народности литературы обусловило появление в литературе многочисленных рассказов и «физиологических» очерков из крестьянской жизни. Писатели старались воспроизвести крестьянский быт как можно ближе к действительности. В уста героев они вкладывали своеобразную народную речь, поговорки, пословицы и вводили в описание различные этнографические подробности. Как заметил Н.Л. Бродский, «<...> наша литература на первых порах неумело воссоздавала быт и нравы крестьянства. Кудреватые мужики Даля, пересыпающие речь разными остротами и прибаутками, или глуповатые типы Соллогуба, конечно, не могли служить верным снимком народной жизни» [5, с. 132]. В лагере славянофилов, где преклонение перед народом носило характер культа, всякая

фальшь особо подмечалась. Они предупреждали «литераторов-натуралистов», что увлечение этнографичностью, внешними приметамы простонародного быта не гарантирует им создания подлинно народных произведений. «Подметив какую-нибудь своеобразную черту внешней стороны, они воображают, что изображают подлинного мужика, его душу и нравственный облик», – иронизировал К.С. Аксаков. Хомяков подобные «литературные упражнения» называл «актерством неискренней любви к народу» и «актерством народности». Поэтому он советовал деятелям искусства изучать фольклор. Русские былины, сказки, песни, считал Хомяков, представляют собой образцы народности содержания и формы. Сам он содействовал публикациям вновь найденных фольклорных произведений, комментировал и пропагандировал их. «В Предисловии к «Русским народным песням» (1845) Хомяков приветствовал их издание, подготовленное П.В. Киреевским. Автор Предисловия, например, отмечал «живость языка», «бойкость оборотов» и «блестательную легкость» «Сказки о Ваське Казимировиче». А в образе Добрыни Никитича он увидел русский национальный характер, в котором соединялись разгульность, беззаботность и «мягкость и человеколюбие». «Разбойничью песню» Хомяков приводит в качестве примера «истинной поэзии», усмотрев в ней выражение «положительных начал». «<...> Песня, замечательная по живописности языка, заслуживает внимания в том отношении, что показывает, как чувство веры часто еще сохранялось в разгаре самых злых страстей. Черта важная, хотя принадлежащая не одной России; черта в одно время утешительная, ибо указывает на возможность исправления и покаяния» [1, с. 244].

Хомяков не мог согласиться с Белинским, который в цикле статей-рецензий «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» иронически-пренебрежительно анализировал образы героев русских былин и недооценивал идеологическое и художественное значение народного эпоса. «<...> Не ищите тут мифов с общечеловеческим содержанием, не ищите художественных красот поэзии <...> есть мысль, только частная, а не общая, народу, а не человечеству принадлежащая», – писал критик «Отечественных записок» [2, т. 4, с. 193]. А подвиги, быт и даже любовь фольклорных персонажей в трактовке Белинского лишь подтверждали его мысль о том, что в истории допетровской Руси не следует искать образцы гражданственности, человечности и духовности [2, т. 4, с. 162].

Серьезным аргументом в защите народной поэзии от «презрительных» выпадов против нее западников Хомякову служили результаты научных исследований 1840-х гг. в области фольклористики и этногра-

фии. Они доказывали, что и в середине XIX в. старинные предания, песни и сказки оставались неотъемлемой принадлежностью живой жизни и повседневного быта простого народа. Хомяков называл их «памятниками не отжившего мира, <...> а историческим проявлением стихий, которые еще живут и движутся по всей нашей великой родине» [1, с. 241]. В отличие от Белинского, который признавал лишь конкретно-историческое значение фольклорных произведений, критик-славянофил усматривал в их содержании и форме доказательство сохранения русскими людьми «своего языка» и представлений о «законах своих» и «судьях своих». Поэтому народная поэзия представлялась Хомякову вневременным нравственным и художественным ориентиром, на который должна равняться «русская школа» в литературе.

Литература

1. Хомяков А.С. О старом и новом. Статьи и очерки. – М.: Современник, 1988.
2. Белинский В.Г. Собр. соч. в 9 т. – М.: Художественная литература, 1976-1982.
3. Киреевский И.В. Отклик на «Бориса Годунова» // Полн. собр. соч.: в 2 т. – Т. 1. Р. 2. – М., 1861.
4. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972-1989.
5. Бродский Н.Л. Эстетика славянофилов // Ранние славянофилы. – М., 1897.